

все эти предприятия были незначительных размеров и играли очень малую роль в условиях снабжения населения здоровыми пищевыми продуктами.

Так же точно не включил я в число своих задач изучение и улучшение уличного благоустройства и жилищного строительства. Не успел я осуществить и многое другое, чем планировал заняться в последующее время, но покинул уезд раньше, чем смог выполнить свои планы. Отсрочить отъезд из Новой Ладогы означало бы потерять представившуюся возможность воспользоваться освободившимся местом санитарного врача в промышленном пригороде Петербурга.

Наиболее ценным опытом, которым обогатила меня работа в Новой Ладоге, было реальное представление о бедствиях и страданиях, причиняемых натуральной и «чёрной» оспой и её эпидемическим, или вернее эндемическим распространением при отсутствии правильной организации противооспенных прививок. Понимание огромного ущерба здоровью населения от натуральной и «чёрной» оспы заставило меня серьёзно отнестись к работе системы оспопрививания и практическому её проведению в жизнь земской врачебной организацией. Эта система, за которую я настойчиво боролся в последующей моей санитарной работе, в очень сжатой форме выражена в моей книге «Очерки земского врачебно-санитарного дела» (СПб, 1903 г.). Сейчас высказанные в книге положения кажутся само собой разумеющимися, но в то время, когда они писались, они являлись новым словом, нуждавшимся в признании и внедрении в практику.

Петербург, Новгород (1898–1902)

Исходя из опыта, приобретённого в Новой Ладоге, намечал я задачи, которые предстояло решать в Петербурге. Но новая обстановка, новые условия, новые задачи вызывали у меня сомнения, сумею ли я справиться, окажусь ли достаточно подготовленным, пригодным для новой работы.

Прежде всего, представлялось мне, необходимо ознакомиться, путём непосредственного обхода и сплошных осмотров, со всеми частями моего санитарного участка, со всеми фабриками, заводами, мастерскими и торговыми предприятиями на его территории и тщательно изучить все доступные печатные и отчётные материалы о населении. Опыт работы в Новоладожском уезде научил меня, что для большей эффективности санитарного надзора необходимо постоянно иметь перед глазами подробную карту всех населенных пунктов с имеющимися в них лечебными, акушерскими и фельдшерскими учреждениями, промышленными предприятиями, почтовыми станциями и пр., а также реками, каналами, пристанями и другими местами скопления рабочих, которые должны учитываться в работе санитарного врача. Не сразу, а постепенно я для личного пользования составил и сам вычертил такую карту уезда. Теперь для ориентировки в своём районе я пытался достать план пригородного участка в губернской или уездной управе. Но плана в таком масштабе, чтобы можно было

на него наносить отдельные здания, в земстве не было. Случайно я увидел такой план в кабинете полицейского пристава, пригласившего меня, как санитарного врача, принять участие в обсуждении вопроса об отведении места для крупных складов старого тряпья, собиравшегося тряпичниками во всём Петербурге. Я попросил дать мне для ознакомления этот план на вечер, до утра. За ночь я успел перечертить план на кальку с нанесением на неё всех улиц, водных протоков, промышленных предприятий и жилых домов. План этот много облегчил мою работу в участке, и я постоянно и настойчиво рекомендую санитарным врачам изготовлять для своей работы план района своей деятельности. Ежедневно и систематически, по много часов, занимаясь поуличным осмотром всего участка, я в короткий срок хорошо узнал его.

Тщательное изучение заявлений и проектов возведения новых домов, а также открытия, расширения и капитального переустройства промышленных предприятий; неоднократные последующие осмотры этих объектов совместно с инженером земской управы, а затем составление заключений с внесёнными нами в проекты изменениями; ежеутреннее рассмотрение всех присланных карт-извещений о случаях эпидемических заболеваний, направление персонала для производства квартирных дезинфекций и госпитализации заболевших (в большинстве случаев я лично навещал все квартиры, производил сам на месте все прививки) — таков был далеко не полный круг моих обязанностей. Все стороны моей работы, а также её объём, количественные показатели были освещены в моём отчёте за 1898 г., изданном губернской управой в сборнике трудов санитарных врачей. Этот отчёт даже сейчас представляет своеобразный интерес, т. к. отражает яркий контраст между нынешним состоянием Кировского района, с его поистине грандиозными площадями, магистралями, домами культуры, школами, жилыми массивами и парками, и прежним убогим, безысходно загрязнённым состоянием этого района конца прошлого века, когда он носил название пригородного земского Петергофского участка Петербурга.

Возмутительной, выводившей меня из равновесия стороной деятельности санитарного врача была неизменно повторявшаяся попытка торговцев, промышленников и домовладельцев дать мне взятку. Эту взятку присылали на квартиру или пытались так или иначе сунуть в руки. Рассматривая всякую такую попытку прежде всего как невыносимое тяжкое оскорбление мне, как общественному работнику, я на это реагировал остро, спускал оскорбителей (в буквальном смысле!) с лестницы, бросал им в лицо подлые четвертные билеты и, наконец, стал подавать в суд жалобы на тяжкие нанесенные мне оскорбления, представляя при этом полученные письма с вложениями в качестве вещественных доказательств. Я лично выступал как истец, как пострадавший и как обвинитель, и добился, что мировой судья Головушкин приговорил директора Триумфальной мануфактуры к трём месяцам тюрьмы. Присланное мне письмо «со вложением ста рублей» и просьбой, чтобы я «не усмотрел» свалки нечистот, на которой уже была начата постройка домов для рабочих, оказалось веской уликой. Потом, в порядке апелляции с участием дорогого стоившего фабриканту присяжного поверенного, заключение было заменено штрафом в 300 рублей.

Но мне судебный процесс дал возможность публично в самых резких словах заклеить презренную попытку оскорбить общественного земского работника поднесением взятки.

В самом Петербурге среди полицейских и городских санитарных врачей было бытовым явлением «принятие благодарности», т. е. взятки, от владельцев различных осматриваемых заведений, и не так легко было отбить охоту перенести эту практику и по отношению к земскому общественному работнику. Должен сказать, что за два года работы в самом захолустном Новолодожском земстве ни одного случая попытки «благодарности» или взятки не было. Был такой генерал-майор медицинской службы, всесильный член Петербургской управы и председатель её санитарной комиссии Оппенгейм, который счёл нужным обратиться ко мне с наставлением, чтобы я не ругал и не прогонял взяточников, а их приношения передавал бы в кассу благотворительного общества помощи бедным. Я выслушал этот конфиденциальный совет «слишком горячему молодому врачу», а когда открылось заседание, попросил слова и публично рассказал о недостойном, унижающем звание врача совете, данном мне председателем.

Вскоре после моего приезда в Петербург ко мне приехала моя сестра Евгения, а вслед за нею и мой ближайший друг по гимназии и университету К. О. Левицкий. Сестра делала настойчивые, но безуспешные попытки поступить на Высшие женские курсы и после неудачи поступила на курсы Лесгафта, а К. О. Левицкий с моей помощью искал какой-нибудь работы или службы. Совершенно неожиданно для себя я увидел сближение между моей юной, неопытной сестрой — ей едва исполнилось 18 лет! — отзывчивой, полной самых лучших стремлений к знанию, к самостоятельной общественной работе, и, на мой взгляд, уже достаточно испытавшим в жизни, более чем тридцатилетним и имевшим уже сына, К. О. Левицким. Я был глубоко взволнован, чтобы не сказать — потрясён своим открытием и наблюдениями. Мне казалось, что большая ответственность и вина лежит на мне. Я поговорил с К. О., но увидел, что он, как и моя глубоко любимая сестра, на дело смотрят совершенно иначе, чем я. Скажу, что во всей последующей жизни, до самой смерти Константина Осиповича в 1919 г., это была ничем не омрачённая взаимная привязанность, скреплённая истинной дружбой, уважением, любовью и товариществом, семейная пара.

Осенью вернулась из своей летней временной службы Любовь Карповна, и мы оформили наши отношения¹. Из Химического переулка мы переехали на Нарвский проспект, в квартиру из одной комнаты и кухни. Мне было 29 лет, Любви Карповне — 28. Мы вступали в период полного развёртывания наших жизненных сил и способностей. Я был чрезмерно поглощён в это время изучением своего участка, уходил с утра на осмотры, заходил на час-другой в санитарную комнату, где обычно ждал меня мой помощник — фельдшер, и затем вновь отправлялся в какие-нибудь отда-

¹ 1 ноября (по старому стилю) 1898 молодые венчались в церкви Политехнического института. Поручителями (свидетелями) были кандидат прав К. О. Левицкий и один из братьев Любви Карповны — студент Технологического института Иван Карпович Полтавцев.

лённые пункты. Несколько случаев дифтерита в Средней Рогатке побудили меня произвести опыт предохранительного введения противодифтерийной сыворотки всем детям в соседних домах. Сыворотка тогда стоила довольно дорого. Пришлось просить разрешения на расход в управе. Затем надо было проследить, в какой мере можно было считать результаты этой пассивной иммунизации против дифтерии успешными. Не было ли каких-либо просмотренных случаев заболеваний.

Только вечером возвращался я домой в нашу новую квартиру. Любовь Карповна придавала ей уют, что при наших более чем ограниченных средствах было делом далеко не лёгким. Дешёвые стулья, купленные на Александровском рынке, продолжают и теперь, через семьдесят лет, обслуживать меня. Чтобы не поступать на службу и не бросать хозяйство, Любовь Карповна стремилась обеспечить себе возможность работать дома. Она систематически делала переводы для некоторых медицинских журналов: по детским болезням, по зубоврачебному делу. Перед сдачей в печать переводы проходили мою редакцию. Помню, редактор «Научного обозрения» Филиппов предложил мне взять на себя перевод двух, в то время только что вышедших, немецких книг для издания их в виде приложения к его журналу. Это были «Введение в философию» Эйслера и «История развития мелкой промышленности в немецких странах». Перевод сделала Любовь Карповна. Под её именем он и был напечатан, мне принадлежал только редакционный просмотр. Работа над переводами была ценна, разумеется, и с точки зрения самообразования.

Много забот в нашу жизнь в эти первые месяцы внёс следующий случай. Однажды я осматривал общежитие для временных рабочих. Большинство из них отсутствовали, были на работе. В прохладном помещении бросились в глаза исключительная запущенность, грязь. На нарах внизу сидел мальчик лет шести и девочка двух-трёх лет. Сопровождавший меня дворник объяснил, что ночевавшая в общежитии мать этих детей накануне умерла, по-видимому, «от чахотки». Дети остались беспризорными, никаких родственников у них нет. Никто о них не заботится, и он не знает, что с ними делать. Я переговорил с детским приютом, находившимся неподалёку. Там мест не было, и принять детей решительно отказались. Мне ничего не оставалось делать, как привести их к себе домой.

Немало труда стоило моей Любви Карповне отмыть детей, кое-как устроить их на ночлег. На следующий день пришлось обеспечить детей, какой ни на есть, одеждой. Усиленные хлопоты, поездки в благотворительные учреждения... Любовь Карповна побывала в Комитете для беспризорных и покинутых детей, была на приёме у сенатора Герарда — всё безуспешно! Лишь недели через две мне удалось поместить девочку в детский приют, а мальчик Ваня прожил у нас всю зиму, и лишь весной его взял к себе на воспитание один из санитарных попечителей — Хивловский.

Уход за Ваней был сложен, мальчик не был здоровым, надо было позаботиться о его лечении. Ребёнок был «золотушным», с разными сыпями на худеньком тельце, страдал ночным недержанием мочи. Хлопоты по уходу за ним и заботы о его дальнейшей судьбе — всё это легло на плечи Любви Карповны, но я ни разу не видел и не слышал от неё признаков недоволь-

ства. Напротив того, бодро и с полной верой в то, что всё устроится к лучшему, она после каждой неудачи намечала и предпринимала новые шаги.

Ни Иван Андреевич и никто из моих друзей и знакомых не знали о моей женитьбе. Как-то вечером зашли ко мне на новоселье братья Аркадий и Михаил Николаевичи Рубель¹. Их изумлению не было предела, когда я представил их моей жене. С тех пор и до самой смерти Аркадия Николаевича Рубеля он оставался в числе неизменных друзей Любови Карповны.

Главным образом для практики во французском языке мы в ту зиму довольно систематически посещали по настоянию Любови Карповны Михайловский театр², на сцене которого играли в то время видные французские актёры. К нам обычно присоединялись Аркадий Николаевич Рубель и близкий друг Любови Карповны Варвара Николаевна Болдырева, брат которой — Василий Николаевич³ был в то время начинающим физиологом у Ивана Петровича Павлова. В поздние часы после возвращения из театра, где мы смотрели не одни только классические пьесы Мольера и Расина, но и такие лёгкие вещи, как «Les maris de Leontine», за чашкой чая в нашей уютной квартире на далёком Нарвском или Рижском проспекте долго раздавался неудержимый смех и остроумные французские каламбуры Любови Карповны и наших друзей.

В эту зиму я стал сотрудничать в начавшем выходить в то время журнале «Начало»⁴, а также был приглашён Михаилом Семёновичем Уваровым взять на себя ведение постоянных отделов в «Вестнике общественной гигиены» и в «Общественной медицинской хронике». В то же время по поручению И. А. Дмитриева я должен был готовить к предстоящему VIII губернскому съезду врачей доклад о постановке изучения влияния фабрик и заводов не только на здоровье работающих на них рабочих, но и на здоровье окружающего населения. На основании непосредственного, изо дня в день, знакомства, наблюдения и изучения условий жизни всего населения в районе Путиловского завода, в кварталах и улицах, прилегающих к крупному химическому предприятию или таким типичным фабрикам, как Екатеринбургская и Триумфальная мануфактуры, у меня сложился взгляд, что для выяснения вопроса о влиянии на здоровье населения фабрик и заводов недостаточно изучения только условий труда, особенностей производства

¹ Аркадий Николаевич Рубель — фтизиатр, организатор санаториев и кумысолечебниц в Башкирии. Михаил Николаевич Рубель — санитарный врач Придворной медицинской части в Гатчине (1898–1904), участник Петербургских санитарных съездов.

² Михайловский театр в Петербурге был открыт в 1833. С конца 1870-х до 1917 в нём играла постоянная французская драматическая труппа. После Октябрьской революции — Малый театр оперы и балета.

³ Болдырев Василий Николаевич (1872–1946) — гастроэнтеролог, в Институте экспериментальной медицины под руководством И. П. Павлова изучал физиологию пищеварения; сотрудничал с отделением по изготовлению противодифтеритной сыворотки. После Октябрьской революции выехал за рубеж.

⁴ Ежемесячный научно-политический и литературный журнал (Петербург, 1899, 5 номеров). Редакторы П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, А. Н. Калмыкова. Орган «легального марксизма». Печатались также В. И. Ленин и Г. В. Плеханов.

и его вредности на самих этих фабриках и заводах. Необходимо всестороннее изучение воздействия промышленных предприятий на весь уклад жизни в прилегающей к ним населённой местности, учёт притока жителей из сельских районов, скученности в квартирах и домах, жилищной эксплуатации населения, складывающегося бытового и культурного обихода, возникающего и формирующегося в фабрично-заводских районах. Именно в таком направлении и был составлен мой доклад: как обоснование «нового подхода и новой программы работы санитарных врачей» в этой области. Я побывал у Дементьева¹, автора книги «Фабрика, что она берёт и что она даёт населению», чтобы услышать его мнение по поводу составленной мной программы, несколько отличающейся от постановки вопроса московским исследователем Ф. Ф.Эрисманом. Дементьев особенно оттенял практическую необходимость такой новой программы ввиду ревнивого оберегания высшей администрацией — Министерством торговли и промышленности — фабрик и заводов от общественных и, прежде всего, от земских органов.

Несмотря на то, что Дементьев с большим вниманием отнёсся к моим идеям и очень интересовался дальнейшей судьбой доклада, у меня всё-таки осталось чувство полного разочарования в нём: он совершенно не соответствовал моему представлению о санитарном враче первого призыва, ближайшем сотруднике Ф. Ф.Эрисмана. Его домашняя обстановка менее всего напоминала условия быта и домашнего обихода земского врача, а скорее говорила об устремлениях к быту сановного чиновника.

Большое место в моей памяти о работе в Петербурге в 1900 г. занимают воспоминания об участии в подготовке и проведении городской переписи населения в Петергофском участке. Петербургская городская дума утвердила руководителем всей организации переписи профессора А. А. Кауфмана². По его приглашению я принял на себя заведование переписью в моём санитарном районе. В течение двух-трёх месяцев велись подбор и подготовка переписчиков из числа студентов Университета, Военно-медицинской академии и Женского медицинского института³. Они изучали отведённые им участки, обходили каждую квартиру, каждый огород или склад, где были жилые помещения, составляли предварительные списки, проводили разъяснительные беседы, затем ежедневно собирались группами у меня для подробного выяснения встретившихся вопросов по толкованию предложенных переписных формуляров и инструкций. У ряда

¹ Дементьев Евстафий Михайлович (1850–1918) — врач, статистик, публицист. Автор санитарных исследований рабочего быта, сотрудник фабричной инспекции в ведомствах финансов, торговли и промышленности, с 1911 врач в Министерстве путей сообщения. Сторонник энергичного вмешательства государственной власти в регулирование социальных отношений в промышленном производстве. Упомянутый Френкелем очерк Дементьева содержал обобщение материалов, собранных в ходе статистических исследований в 1880-е гг., издавался в 1893 и 1897.

² Кауфман Александр Аркадьевич (1864–1919) — экономист и статистик, заведовал статистическим отделом Петербургской городской управы; профессор кафедры политэкономии и статистики Петербургского университета; кадет.

³ Об отношении полиции к переписи и переписчикам см.: Приложение № 6.

заведующих переписными пунктами возник план в связи с переписью выяснить ряд вопросов социально-экономического порядка, не включённых в официально утверждённую программу, а именно: о размерах ежемесячного заработка рабочих, о действительной (а не по паспорту) связи их с деревней и сельскохозяйственными работами, сколько за год отправляют в деревню денег, когда были в последний раз в деревне, имеют ли там семью, имеют ли здесь, в городе, независимо от этого, фактическую семью и детей, а также некоторые другие вопросы, важные для освещения процесса формирования промышленного пролетариата и фактического быта рабочего класса. Счётчики при приёме официальных переписных листов должны были заполнить лично отдельный листок, на котором стояла лишь порядковая нумерация одиннадцати выработанных нами вопросов. Разумеется, состав счётчиков был подобран из передового, революционно настроенного студенчества, хорошо знакомого с незадолго вышедшей до этого книгой Плеханова и его полемикой с Воронцовым («В. В.»)¹. Они охотно затрачивали дополнительный труд на заполнение дополнительных карточек, содержавших ответы на выработанные нами вопросы. При подведении итогов переписи выяснилось, что посылка денег в деревню снижала жизненный уровень рабочего. Это было не исключение, а общее правило. Таким образом, в официальных личных переписных листках ответы отражали не фактическую степень разрыва с деревней и перехода в состав класса промышленных рабочих, а искажённое, отстающее от жизненной практики субъективное сознание выходца из села.

«Ваше главное занятие» — гласил вопрос переписного листка. И обычный массовый ответ на этот вопрос был — «хлебопашество». А из наших дополнительных вопросов выяснялось, что он — рабочий Путиловского завода, уже не первый год, имеет 40 рублей ежемесячной зарплаты, что он уже 5, а то и 10, и даже 15 лет как покинул деревню, на сельских работах не бывал, но держит там «надел»; у него там живёт семья, которой он посылает в год 100–200, а то и больше рублей, а здесь живёт временно «один», хотя при этом не отрицает, что двое-трое детей фактической сожительницы — это его дети.

Подготовка к переписи, потом сбор и обработка дополнительных материалов составляли основное содержание моей жизни в течение трёх-четырёх месяцев. С утра и до поздней ночи в нашей квартире на Рижском проспекте (на углу с нынешним проспектом Газа) непрерывно бывали целыми группами счётчики-переписчики. Любовь Карповна терпеливо переносила эту утомительную сутолоку. Ласково принимала увлечённую, захваченную интересом к переписи молодёжь, давала справки, разъяснения, выслушивала их рассказы и наблюдения, иногда до глубины души волновавшие самих рассказчиков, поила их чаем. Помню, какую трагедию пережила одна студентка, переписчица домов по Лейхтенбергской улице, когда

¹ Воронцов Василий Павлович — представитель либерального народничества. В своей книге «Судьбы капитализма в России» (СПб., 1882) утверждал, что капитализм в России явление «наносное». См.: Мокшин Г. Н. Василий Павлович Воронцов. Вопросы истории. 2003. № 9.

целый ряд этих домов оказался заселённым девушками, жившими здесь в публичных домах. Нужно было писать ответ в графе о занятиях, и счётчица выслушивала раздиравшие ей душу рассказы о том, «как дошли до жизни такой» и исписывала целые тетради об их судьбах, быте и унижении.

В результате переписи был собран большой материал глубокого социально-экономического и социально-гигиенического значения. Но, к сожалению, ни мне, ни другим заинтересованным в этих результатах участникам программ не удалось в дальнейшем обработать весь этот материал. Вскоре начались в Петербурге события весны 1901 года, а затем я и многие мои соратники подверглись административной высылке из столицы.

Ещё одним видом моей общественной работы было участие в организованной при Вольно-экономическом обществе¹ комиссии «Помощи в чтении больным и бедным». Организация и довольно быстрое развитие деятельности этой комиссии были результатом всё более широких поисков таких форм просветительной общественно-политической деятельности, которые ускользали бы от бдительного ока петербургской охранки, круто расправлявшейся со всякой попыткой просветительной работы среди населения и, в особенности, среди рабочих². Комиссия собирала через своих членов и путём рассылки писем к издательствам и авторам книжные пожертвования, принимала также и денежные средства, прочитанные газеты и журналы. Под руководством более деятельных членов комиссии, в числе которых был и я, добровольцы из среды учащихся составляли библиотечки для рассылки в участковые земские лечебницы для чтения больным, посылали в деревни газеты, из отдельных журнальных статей составляли сборники по наиболее острым вопросам рабочего движения и направляли их по запросам отдельным лицам и кружкам рабочих. Это была кропотливая, требовавшая большой затраты времени работа. Но число добровольных молодых сотрудников в этом движении всё возрастало.

Библиотечками по разным вопросам общественной жизни, экономики, социальной гигиены и санитарного дела, рабочего движения снабжались очень многие уезжавшие на летнюю работу, на временную службу в земстве студенты и студентки. Вся эта работа протекала, как одно из направлений деятельности комитета, председателем которого был Пётр Францевич Лесгафт. Заседания этого комитета происходили у него в институте, но склад поступавших книг был в Вольно-экономическом обществе, на нынешней 4-й Красноармейской улице. Как ни мало вяжется это с образом очень требовательного не только к другим, но и к себе, рационалиста и борца за последовательность Петра Францевича, но, к моему изумлению,

¹ Вольное экономическое общество (ВЭО), одно из старейших в мире и первое в России экономическое общество, формально независимое от правительственных ведомств. Учреждено в Петербурге в 1765. В разработке его конкурсных тем и задач принимали участие выдающиеся учёные, литераторы; общество вело большую научную деятельность. Ликвидировано в 1919.

² В действительности ни одна из форм общественно-политической деятельности от бдительного ока петербургской охранки не ускользала, она была в курсе деятельности своих поднадзорных.

состоявший у него на службе рассыльный, который у нас бывал, величал Лесгафта без всяких возражений с его стороны «Ваше Превосходительство», т. к. Лесгафт состоял в чине действительного статского советника. Тогда я как-то выразил изумление по этому поводу и заметил, что не следовало бы проявлять чинопочитание в нашей среде, но получил ответ, что это делается согласно воле Петра Францевича. Бывают же странные и трудно-понимаемые вещи!

В 1900–1901 гг. мне часто приходилось бывать на собраниях сотрудников некоторых журналов у А. М. Калмыковой¹ в её квартире на Литейном проспекте рядом с пользовавшимся тогда большой известностью книжным складом. На этих собраниях находили самый живой отклик и обсуждение все события общественной жизни. Здесь встречались довольно далёкие друг от друга по своим социальным воззрениям представители оппозиционных кругов от Ф. И. Родичева², Дмитрия Ивановича Шаховского³ и В. В. Хижнякова⁴ до С. Н. Прокоповича⁵ и гораздо более радикальных представителей тогдашней литературы. Всех объединяло нараставшее понимание общественного подъёма, недовольство атмосферой политического застоя, стремление к раскрытию путей для организации широкого движения новых передовых сил.

Весной 1899 г. в холодный дождливый день мне пришлось осматривать вместе с инженером уездной земской управы места, которые предполагалось отвести для строительства каких-то мастерских у деревни Автово и в районе побережья в направлении к Путиловскому заводу. Дул пронизывающий порывистый ветер с взморья. Несколько часов ходили мы по открытым со взморья местам. Одетый уже по-весеннему, я сильно промёрз. В результате заболел пневмонией, осложнившейся плевритом. Только через месяц стал я вставать, но оставалась большая слабость, сильный кашель и поты. Аркадий Николаевич Рубель напугал Любовь Карповну, что у меня начинается лёгочный туберкулёзный процесс. Лично у меня настроение

¹ Калмыкова Александра Михайловна (1849–1926) — участница революционного движения с 1880-х, народница, учительница. В 1889–1902 её книжный склад в Петербурге был явкой социал-демократов. Оказывала денежную помощь «Искре». После Октябрьской революции работала в системе Наркомпроса.

² Родичев Фёдор Измайлович (1854–1932) — земский деятель, юрист. Один из лидеров кадетов; во Временном правительстве министр по делам Финляндии. Белоэмигрант.

³ Шаховской Дмитрий Иванович (1861–1939) — князь, земский деятель, публицист. Один из лидеров кадетов, депутат 1-й Государственной думы; в 1917 г. министр государственного призрения Временного правительства; в 1918 — один из руководителей антисоветского «Союза возрождения России».

⁴ Хижняков Василий Васильевич (1871–1949) — военный, затем земский санитарный врач, публицист, политический деятель (марксист, затем трудовик), зачинатель и организатор кооперативного движения в дореволюционной России и в советское время.

⁵ Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955) — идеолог «экономизма» в социал-демократии, член «Союза освобождения». В 1917 — министр торговли и промышленности Временного правительства. После Октябрьской революции выслан.

было бодрое, я был убеждён, что скоро поправлюсь. Меня, как больного, стал навещать по приглашению Любви Карповны А. И. Яроцкий, которого, как хорошего клинициста, рекомендовал И. А. Дмитриев.

С этого началось наше знакомство с А. И. Яроцким, продолжавшееся много лет. По настоянию А. Н. Рубеля и Яроцкого я должен был уехать в Крым. Но я убедил Любовь Карповну вместо этого уехать со мною на хутор к моим родителям — в Попенки Черниговской губернии. Много радости доставил наш приезд родным, но немало и слёз было пролито моей матерью, когда она узнала от Любви Карповны о том, что скрывали от меня, но что без колебаний утверждали и Рубель, и Яроцкий, а именно, что дело идёт у меня о туберкулёзном процессе. Мать заставляла меня пить стаканами свежие сливки. Вопреки всяким запрещениям я занялся работами в саду. Для устранения тени от разросшейся молодой сосновой рощи, закрывавшей с юга наши яблони и другие фруктовые посадки, я принялся за выкорчёвывание сосен. Вскоре я настолько увлёкся этой достаточно трудной работой, что по три-четыре раза в день приходилось сушить промокшую от пота одежду и менять бельё. Через месяц я совершенно забыл о своей болезни, а затем прекратился и кашель. В августе мы вернулись в Петербург, я чувствовал себя вполне окрепшим и здоровым, чтобы нести всю нагрузку сутолочной петербургской жизни. Каждый день, по много часов, проводил в своём санитарном участке на осмотрах, до поздней ночи писал заключения на всякие проекты строительства и прочитывал большие связки земской санитарной информации для составления общественно-санитарной хроники в «Вестнике общественной гигиены». Эта работа была мне передана М. С. Уваровым, ставшим фактическим редактором «Вестника». Кроме того, я продолжал вести отдел иностранного санитарного законодательства.

Сильную тревогу вызывали у меня предстоящие, как мы думали, в сентябре роды нашего первого ребёнка. Всю зиму ещё в первый период беременности Любовь Карповна беспредельно сильно страдала от мучительной и неукротимой рвоты. Несмотря на все рекомендованные специалистами меры и средства, это мучительное, принимавшее угрожающий характер страдание продолжалось до самого лета. На хуторе, к счастью, рвота прекратилась. Когда я возвратился на работу, мы с Любовью Карповной предпринимали прогулки для поддержания её бодрости и здоровья. После одной из таких прогулок (мы были в Летнем саду и вернулись на финском «легковом» пароходике по Фонтанке домой) у Любви Карповны начались родовые схватки. Возобновилась неукротимая рвота. Утром я в тревоге обратился к доктору Фраткину, жившему неподалёку, просил его помощи. Он захватил с собой целый чемодан, бывший у него, по-видимому, всегда наготове. После тщательного обследования он нашёл, что нужно ещё запастись терпением. Однако непрерывность изнуряющей рвоты заставила его признать положение угрожающим. Он немедленно превратил меня в ассистента, хотя я беспокоился почти до беспамьяства; со спокойной твёрдостью приказывал мне давать хлороформ, подавать ему инструменты, молчать и держать себя в руках. С тем же искусством, которое поразило меня два года назад в Новой Ладогe, он произвёл операцию наложения щипцов. Всю дальнейшую работу повивальной бабки выполнил затем в течение положен-

ного срока я. До конца жизни я храню в своём сердце самую глубокую признательность доктору Фраткину, этому суровому на вид человеку, умевшему своим благодетельным искусством, не словами, а делом облегчить страдания, выручить из смертельной беды попавших под её удары людей.

Родилась с полным весом моя первая дочь, составившая в течение многих последующих лет основной предмет наших забот, тревог, наших напряжённых усилий, планов и дум. У меня всегда вызывали глубокое внутреннее преклонение и почитание проявления высокого понимания материнского долга у Любви Карповны. С исключительной систематичностью изучала она всю литературу по уходу и воспитанию детей, Невзирая на все свои недомогания, проводила последовательно кормление грудью и наблюдение за дальнейшим развитием ребёнка. Чтобы позднее учить языкам и дать хороший выговор, всю зиму она брала уроки разговорного языка у французужки; настолько серьёзно и всесторонне знакомилась с литературой по воспитанию и уходу за детьми и критически её перерабатывала, что смогла позднее вести по этим вопросам профессиональную журнальную работу.

Много времени отдавал и я взращиванию нашего первенца. Это ведь особый, трудно передаваемый мир переживаний отцовства и возникновения на наших глазах нового человеческого сознания. Через год, зимою 1900–1901 гг., помню, я при малейшей возможности подолгу гулял с ребёнком там, где воздух был почище, у взморья. С санками я уходил довольно далеко от устья Невы, от Лоцманского острова. Тут однажды случилось совершенно непредвиденное происшествие. Был чудесный февральский или мартовский день. Лёд на Неве был только слегка покрыт снегом. Можно было уезжать с санками в любую сторону. Увлечённый радостными восклицаниями своей полуторагодовалой дочери при быстром беге санок, я не заметил, что по нашему адресу со стороны, противоположной Васильевскому острову, раздавались предупреждающие окрики и команды и только когда раздался выстрел, понял, что часовой, стоявший подле спущенного осенью на Неву со стапелей Балтийского завода корабля, в беспокойстве предупреждал меня о том, что я прошёл какую-то условную границу охраны. По его требованию я должен был стоять неподвижно, пока он вызвал какого-то воина, подошедшего к нам с оружием в руках. Он тщательно осмотрел санки, седока в них и меня и проводил нас до линии стоящих на льду вех. Вся эта процедура удлинила нашу воскресную прогулку на целый час и причинила некоторую тревогу матери, нарушив положенные сроки питания дочки.

Из всех исключительных, представляющихся теперь просто невероятными, проявлений неблагоустройства и антисанитарного состояния за Нарвскими воротами меня больше всего поражило положение дела с водоснабжением. Во всех дворах, густо застроенных двухэтажными деревянными домами с «угловыми» квартирантами-рабочими вода для питья и хозяйственных потребностей забиралась вёдрами из бака, вкопанного в заболоченную почву двора. В этот бак вода подавалась под очень слабым давлением по деревянным сверлёным трубам из реки Екатерингофки после принятия ею огромного количества фекально-хозяйственных вод из Обводного канала, реки Ольховки и других сточных протоков так называе-

мой Болдыревской водокачки. Эта вода была настолько грязна, что каждый день, когда жильцы разбирали из бака всю воду, на дне его оставался 10–15-сантиметровый слой зловонной жижи, которую лопатами выбрасывали во двор. И такую «болдыревской» водой снабжалось столичное население участка за Нарвской заставой.

Как-то, идя на заседание санитарно-технической секции Общества охраны народного здоровья, чтобы сделать доклад о состоянии благоустройства в моём пригороде Петербурга, я взял с собой большой сосуд воды из такого пресловутого бака. При демонстрации этой воды все специалисты были убеждены, что им предъявлена канализационная сточная жидкость, и с трудом могли поверить, что такой водой пользуются люди для хозяйственно-питьевых целей.

Круг посещавших нас знакомых значительно расширился в связи с моей работой на переписи населения 1900 г. и благодаря встречам в редакции журнала «Жизнь»¹. Само собой как-то сложилось, что для сбережения времени мы бывали дома по вечерам только в среду. Среды стали привычным днём встреч у нас людей довольно разнообразных кругов. Заходила молодёжь из бывших сокурсниц Любви Карповны. Из числа наиболее заинтересовавшихся изучением населения участников переписи постоянно бывали Колтановские, статистик Караваев², В. В. Хижняков, П. П. Маслов³, В. Я. Богучарский⁴, В. И. Шарый, О. Бражникова и др. «Среды» проходили в оживлённых разговорах о новых литературных явлениях и течениях, о планах и предположениях отдельных участников, об их специальных работах. Помню, как делился своими впечатлениями от поездки в Берлин доктор Вербов, акушер. В Берлине он побывал на рабочих собраниях, на которых слушал А. Бебеля, в профсоюзах, и был, казалось, разочарован: участники этих собраний были самыми обыкновенными рабочими, не отличавшимися по своему культурному уровню от хорошо знакомых ему петербургских рабочих. Именно это и вызывало у рассказчика бодрость: значит, и мы можем быть уверены в успехе политического движения среди рабочих.

Кто-то из постоянных участников наших сред предложил для внесения некоторой системы в пёстрые разговоры и беседы подавать каждому записку, какой вопрос сделать предметом обмена мнениями в данный вечер, а затем общим голосованием выбрать один из предложенных вопросов и обязать каждого высказать по нему своё мнение, опираясь не на предварительное штудирование материалов, литературы и чужих взглядов, а исходя из запаса своих представлений и мыслей. Одно из начинаний, высказанных

¹ Литературно-политический журнал, издавался в Петербурге в 1897–1901; в Лондоне и Женеве с 1902. Орган «легальных марксистов».

² Караваев Вячеслав Фёдорович — земский статистик. Занимался статистикой движения землевладения в России в Министерстве финансов. Автор многих трудов (очерки по 52 земским губерниям).

³ Маслов Пётр Павлович (1867–1946) — экономист, академик АН СССР; в 1904 на IV съезде РСДРП выступил с меньшевистской программой муниципализации земли. После Октябрьской революции занимался политэкономией социализма.

⁴ Богучарский Василий Яковлевич (Базилевский Б., Яковлев В. Я.) (1861–1915) — историк, издатель-редактор журнала «Былое».

мною в качестве предложения, к общему изумлению вылилось в ближайшее воскресенье в довольно широкое проявление общественной активности.

Шла обычная весенняя выставка художников-передвижников. На ней, между прочим, привлекал к себе внимание репинский портрет Л. Н. Толстого во весь рост. Портрет стоял в нижнем зале. Как раз накануне нашей очередной среды было опубликовано постановление Синода об отлучении Л. Н. Толстого от церкви. Высказано было предложение найти способ общественного реагирования на эту реакционную затею, предпринятую с целью подорвать моральный ореол писателя.

Я предложил явиться всем присутствующим ровно в два часа в ближайшее воскресенье на выставку и увенчать цветами портрет Толстого, с тем чтобы публика могла выразить своё сочувствие соответственной овацией. Но для того, чтобы полиция не смогла принять предупредительные меры и не удалила портрет с выставки, мы должны были не разглашать свой замысел. В то же время каждый из присутствующих на среде должен был подготовить 5–10 человек, с обязательством для них пригласить с собой ещё по 3–5 человек. С принесёнными в незаметных пакетах цветами мы пришли в воскресенье на выставку.

Было много совершенно незнакомой публики. Были и случайные, даже «высокопоставленные», посетители. К полудню в залах выставки стало необычайно людно, даже тесно. Когда стрелка подошла к двум часам, наши знакомые дамы приблизились к портрету Толстого и убрали его цветами, у рамы пристроили букет и венок из роз. Совершенно неожиданно цветы (букеты гиацинтов, роз, нарциссов, сирени — всего, что удалось закупить в цветочных магазинах на Литейном и Невском проспектах), густым дождём посыпались с верхней галереи выставки. Зал и хоры гремели от аплодисментов. Всё это вылилось в шумную большую манифестацию, смысл которой был всем понятен. Многие спешили пойти за цветами, чтобы поддержать нас. Об этом на следующий день писала даже газета «Новое время» — чиновничий шовинистический орган «чего изволите».

Летним отпуском 1901 г. я воспользовался, чтобы побывать в Крыму. Поездка в конце июня была облегчена для меня, никогда не бывавшего в курортных местах, тем, что помощь в устройстве на 1–1,5 месяца в Алушке оказала Е. А. Колтоновская, обычно проводившая там летние месяцы. Первый раз в жизни я видел горы, хотя это и были только горы Южного берега — Ай-Петри, Яйла, Медведь у Гурзуфа и скалистый берег у Симеиза. Я много ходил пешком, взбирался один на Ай-Петри из Симеиза, из Алушки; поднимался на Яйлу из Ялты; всюду ходил без проводников. Особенное восхищение вызвал у меня буковый лес и третичные сосны у Исара.

В Ялте я побывал у П. П. Розанова¹, бывшего тогда ялтинским санитарным врачом. Несомненно, он был одним из наиболее передовых и всесторонне образованных наших первых общественных санитарных врачей-пироговцев. С ним я был лично знаком по работе на совещании санитарных врачей при правлении Пироговского общества весной того же

¹ Розанов П. П. — в 1880-е земский статистик в Нижнем Новгороде. Затем ялтинский санитарный врач и врач А. П. Чехова. Автор многих научных трудов.

1901 г. в Москве. Ему принадлежала заслуга организации в Ялте санитарного городского дела: он поставил вопрос о правильной очистке города, строительстве в нём канализации и водопровода, о врачебном обслуживании населения.

Он познакомил меня со всеми сторонами своей деятельности. Между прочим, я помню, он настойчиво звал меня навестить А. П. Чехова, жившего тогда на своей даче по пути к Исару и водопаду Учан-Су. Когда мы собрались осуществить это посещение и зашли в окружённый садиком небольшой дом Антона Павловича, оказалось, что тот накануне спешно выехал в Москву, не успев предупредить П. П. Розанова, как своего врача.

Дорога в Ялту лежала из Петербурга по железной дороге через Севастополь, а оттуда до Ялты на небольшом пароходе, державшемся недалеко от берега. Все богатые виды Южного берега Крыма, обрамлённые причудливыми горами, впервые раскрывались перед моим взором. Между прочим, воспользовавшись временем до отхода парохода в Севастополе, я успел съездить в Херсонес и подробно осмотреть раскопки, с изумлением останавливаясь перед вскрытыми керамическими трубами и канализационными колодцами.

Довольно рискованный случай, по тогдашним временам, произошёл со мной при одной из моих прогулок из Алупки на Яйлу. Поднявшись через «Хаос», в котором с такою наглядностью можно было видеть каменные громады, скатившиеся при обвале верхних кражей гор, до гребня Яйлы, где-то в районе Ай-Петри я, не придерживаясь никаких тропинок, спустился через камни ущелья и стремнины, держась за кусты, надеясь где-то пересечь верхнее шоссе и уже по нему дойти до Алупки. Но кусты и заросли становились всё гуще и непроходимее; где-то ниже, как будто уже недалеко, слышны были звонки, мне казалось проезжавших по верхнему шоссе почтовых экипажей, и я, преодолевая все трудности, спускался в их направлении. Но в самой густой чаще, спустившись с крутизны, натолкнулся на густое проволочное ограждение, тянувшееся в обе стороны. Подняться вверх, назад, сил у меня не было. Выломав несколько веток и собрав камни, я, насколько мог, приподнял нижнюю колючую проволоку и лёжа прополз, в конце концов, под нею, надеясь, что я попаду на верхнее шоссе. Я был в полном изумлении, когда увидел перед собою на поросших густой травой склонах, среди разбросанных, отдельно стоящих дубов, стадо тучных коров с колокольцами на шее. Звон этих колокольцев был принят мною за колокольчики почтовых тарантасов. Ко мне быстро приблизился лесник в специальной форме, крайне удивлённый моим появлением здесь. Он объяснил, что я попал на Ливадийскую ферму, вход на которую безусловно запрещён. К моему счастью, сторожевые собаки не услышали, как пробирался я через проволочные ограждения, а то бы мне пришлось совсем плохо. Как нарушителя запрета страж этот доставил меня в охранный пункт, где я должен был подробно изложить весь маршрут моей весьма необдуманной, по их мнению, и рискованной прогулки, проверили все мои документы и после некоторой задержки провели меня к выходу и отпустили с миром, посоветовав больше по незнакомым местам без проводников не ходить.

По возвращении из Крыма я погрузился в выполнение своих запущенных за время отсутствия обязанностей санитарного врача. Накопилось

несколько требовавших специальных осмотров дел по открытию шерсто-мойной фабрики, тряпичных складов и других предприятий. Нужно было также спешно готовить для очередного номера «Вестника общественной гигиены» статьи по санитарному обозрению и иностранному санитарному законодательству.

Неожиданно ночью у меня был произведён жандармский обыск, и мне было объявлено постановление Департамента полиции (Зволянского) о немедленной высылке из Петербурга в Новгород. В квартире был оставлен околоточный, который должен был сопровождать меня до вокзала¹.

Это было тяжёлое испытание, обрушившееся на мою семью. Со спокойной выдержкой приняла на себя всю тяжесть создавшегося положения незабвенная спутница моей жизни (с 1898 по 1948 гг.) Любовь Карповна. Она в то время ожидала рождения нашей второй дочери, а на руках у неё была двухлетняя — первая дочь. Так как приставленный ко мне околоточный не позволил мне выйти из квартиры, то Любовь Карповна побывала в земской Управе, передала все бывшие у меня деловые бумаги, повидалась с Иваном Андреевичем, который обещал дать мне письмо к председателю Новгородской губернской земской управы, успела в редакции «Вестника общественной гигиены» взять для меня новые издания для составления очередного санитарного обзора. На моё ходатайство об отсрочке высылки на несколько дней Департамент полиции ответил отказом. И вечером того же дня я на велосипеде, в сопровождении на извозчике Любове Карповны и восседавшего с нею околоточного, отправился на тогдашний Николаевский вокзал и налегке (сдав в багаж велосипед) отбыл в Новгород. Тяжко было оставлять Любовь Карповну одну с ребёнком и с огромным количеством поручений по невыполненным делам. Только её энергия и бодрая, ровная настойчивость помогли ей спешно справиться с ликвидацией квартиры и со сбором средств, чтобы через короткий срок приехать ко мне в Новгород.

Новгород 1901–1902 годов. Томительны были первые дни пребывания моего в Новгороде. Я остановился в единственной в городе гостинице на центральной площади у самого Кремля. Это был, скорее, шумный трактир или постоялый двор, а не гостиница. В отведённой мне комнате ни днём, ни вечером, до поздней ночи нельзя было заниматься из-за непрестанно доносившегося разгульного пения и гармоника. Я уезжал на велосипеде на целый день на берег Ильменского озера. Гуляя в густом сосновом бору, случайно увидел однажды одинокий деревянный скит без дверей, с небольшим лишь оконцем, в которое передавали для богоугодного отшельника свои приношения приходившие по протоптанной в чаще тропинке богомолки.

Меня угнетала тревога о положении оставшейся в Петербурге Любове Карповны. Вскоре я получил от неё полное бодрых советов письмо. От Ивана Андреевича получена была ею для меня рекомендательная записка к председателю Новгородской губернской земской управы Н. Н. Сомову. Я немедленно отправился в губернскую управу. Н. Н. Сомов предложил мне начать работать в Колмовской больнице для душевнобольных, где имелось место ординатора.

¹ Документы охраны см.: Приложение № 7.

Первые дни я знакомился с больницей, старался освоить и выполнить все обязанности дежурного врача, тщательно изучить истории болезни в наблюдательном отделении, заполнить очень подробные формуляры для вновь помещаемых в больницу душевнобольных, которых привозили из Новгорода или из более отдалённых уездов. Все свободные часы я занимал изучением руководств и трудов по психиатрии, которые можно было найти в больничной библиотеке. Прошло немного дней, и я с головой ушёл в изучение больных наблюдательного отделения.

Кроме директора Крумбуллера в Колмовской больнице, рассчитанной на 300–400 больных, был ещё только один врач — Фонфрикен, ведавший мужским отделением. Насколько было возможно, я старался расспрашивать его о больных и их болезнях, стараясь учиться у него, как у опытного врача-психиатра. Но оба психиатра — и Крумбуллер в женском отделении, и Фонфрикен в мужском — были чрезвычайно перегружены работой, и им не оставалось времени вести со мною длинные разговоры, к тому же, сколько я теперь вспоминаю и понимаю, я был очень критически настроенным, строптивым и несговорчивым учеником.

Вскоре мне предложили полностью взять на себя работу по ведению всего дела в отделении «для слабых и неопрятных больных». Отделение это помещалось в особом деревянном двухэтажном здании с асфальтированными полами. В нём было безотрадно мрачно и грязно. Во всех палатах стоял неприятный запах от большой скученности и нечистот. Было 85 больных — мужчин, неспособных уже к работе, страдавших поносами, умиравших от дизентерии и туберкулёза. Переводили в отделение таких больных, которые признаны были «психиатрами» совершенно безнадежными и, по мнению врачей, их жизнь была лишь бременем и для них, и для государства, и для земской кассы, для которой их содержание было лишь безрезультатной тратой скудных земских средств без всякой надежды на возвращение их к прежней деятельности. Поэтому и паёк их был уменьшен до 14 копеек в день вместо 26 копеек в других отделениях. Больных держали на голодном пайке и, в полном соответствии с этим, они ускоренно гибли. Ежедневно в отделении умирали 4–6 «слабых и неопрятных» больных.

Целые дни, да правду сказать, и ночи я оставался на отделении, добросовестно исследуя и изучая больных. Здесь были тяжёлые эпилептики, были прогрессивные паралитики, были ослабевшие хроники после паранойи, был меланхолик с безусловным отказом от приёма пищи и питья. Его насильно кормили через желудочный зонд. Был тяжёлый кататоник, которого на руках поднимали и сажали на стульчак, открывали и закрывали ему рот. Десятка полтора больных мочились и испражнялись под себя, а один паралитик тащил себе в рот свои собственные испражнения.

Из хорошо изученных уже мною отчётов некоторых больниц и клиник я знал, что при правильном уходе можно избежать всех этих явлений, можно устранить весь этот смрад и придать отделению вполне пристойный клинический вид. Чтобы обеспечить надлежащее проветривание, я следил, чтобы весь день и ночь были открыты фрамуги. А чтобы больные не мёрзли, побывал в губернской управе и убедил лично её председателя, внимательного Н. Н. Сомова отпустить из вещевого земского склада несколько

десятков меховых тулупов. Заодно уж я подробно ознакомил передового просвещенного земца Н. Н. Сомова с причинами катастрофического вымирания больных от голодания — вследствие недокармливания. Неслыханно высокая больничная летальность в отделении Колмовской больницы (13–14 %) — это ведь фактически было результатом попустительства, граничащего с преднамеренным ускорением вымирания больных от недокармливания. Губернская управа разрешила мне сравнить расход на питание больных до уровня других отделений, т. е. увеличить рацион вдвое.

Первоначально средний персонал (фельдшеры, надзиратели, уборщик) составил мне глухую оппозицию. Виданное ли дело, неопрятному больному, прогрессивному паралитику Садкову, с неукротимыми и разрушительными наклонностями (за ночь он зубами и руками раздирает свою сорочку, простыню и наволочку на узкие полоски) и потому лежал на голых досках без сорочки, я надевал новую, чистую сорочку, давал ему новый матрац и новую простыню, и крепкое одеяло. «Ведь, всё равно, всё это он за одну ночь испортит». Но я сам часами просиживал у его постели, аккуратно, через каждые три часа, сажал его на ночной горшок, пока не наступало испражнение или мочеиспускание. Прodelывал это со всеми другими неопрятными больными. Через немного дней у всех этих неопрятных больных установился прочный рефлекс: вслед за посадкой на стул с подставленным ведром незамедлительно следовал желаемый результат. Меньше стало работы с уборкой постелей; чище стал воздух в палатах, опрятнее больные.

Мало-помалу, по мере изучения мною каждого больного, я старался использовать сохранившиеся у них возможности к простейшим работам. Одни больные принимали участие в уборке палат, другие привлекались к подноске дров, к мойке посуды и т. д. Организованность во всём создавала упорядоченность, регулярность, порядок в жизни отделения. Это, в конце концов, облегчило труд ухаживающего персонала, исчезла глухая оппозиция и неверие в осуществимость и пользу всех вводимых мною новшеств. Доверие к новым порядкам, готовность отстаивать их возросла ещё и от того, что реже стали случаи смерти больных, так как при лучшем питании, при постоянном проветривании палат, при ежедневном пребывании на работе во дворе слабые больные становились более крепкими, переставали целые дни лежать, пристраивались к какому-нибудь делу.

Пока дом для главного врача пустовал, мне была отведена в нём квартира. Тогда оказалось возможным приехать ко мне Любови Карповне с нашей дочерью. При доме был прекрасный фруктовый сад с оранжереей. Мне удалось добиться разрешения взять из оранжереи кадки с комнатными растениями (олеандр, фикусы, филодендроны и пр.) для постановки их в отделении. Любовь Карповна привезла из Петербурга, по моей просьбе, много специальной литературы по вопросам организации психиатрической помощи, и я настойчиво пополнял свою недостаточную осведомлённость в этой отрасли учебно-санитарного дела.

У меня складывалось мнение, что наиболее важным условием для правильной организации ухода за душевнобольными является такой подбор всего персонала, от врачей до простых служителей и уборщиц, при кото-

ром исключалась бы возможность отношения к душевнобольным не как к страдающим, попавшим в беду и вызывающим сочувствие сочленам человеческого общества, а как к тяжёлой обузе, к докучливому материалу, к бессознательным, злым нарушителям порядка, обихода, тишины, благополучия.

Персонал должен уметь сохранять в себе способность всегда видеть в душевнобольных — людей, вызывающих сочувствие и внимание к их несчастью. То, что я слишком много времени отдавал отделению, оставался там до поздней ночи, не раз в течение ночи проверял состояние дел; что я упорно и настойчиво сосредоточивал всё своё внимание на судьбе душевнобольных, на вопросах организации психиатрической помощи, вызывало большую, и думаю, вполне оправданную тревогу у Любови Карповны — не заслонит ли у меня эта узкая отрасль медицины более широкие общественные проблемы, общественные обязанности и перспективы. Её письма петербургским друзьям были полны этой тревоги.

По приглашению Любови Карповны из Петербурга к нам стали приезжать некоторые из друзей. Несколько дней гостил у нас Виктор Иванович Шарый, убеждавший меня не замыкаться, хотя бы и временно, в рамках отдельной узкой отрасли земской медицины, какую является помощь душевнобольным, а с прежней энергией искать путей, возможностей к поддержанию связей с передовыми общественными силами и с широким общественным движением. Помню, недели две гостила у нас Елена Дмитриевна Стасова¹, искавшая временного убежища, чтобы не быть в Петербурге. Часто приезжал удивительно милый доктор Николай Николаевич Штремер².

В Новгороде мы с Любовью Карповной бывали редко. Я был слишком поглощён задачей очеловечивания больных в моём отделении, изучением их и изысканием путей к возможным улучшениям психиатрической помощи. Вся наша жизнь протекала в Колмове. Только в семье Засечкиных мы изредка бывали. Там оживлённый интерес вызывали вопросы земской жизни, прохождение на губернском земском собрании докладов по школьному делу и земской медицине. Одна из сестёр Засечкиных работала в потребительской кооперации и горячо откликалась на меры губернского земства по содействию развитию сельской кооперации. У Засечкиных мы встречались с земскими работниками. Там познакомился я впервые с Н. П. Малыгиным. В то время он был секретарём губернского земства и, если не ошибаюсь, не без моего влияния, решил тогда поступать на медицинский факультет Юрьевского университета, чтобы по окончании работать в земской санитарной организации. Вскоре своё намерение он привёл в исполнение. Вместе со своим близким другом, позднее ставшим первым прези-

¹ Стасова Елена Дмитриевна (1873–1966) — агент «Искры», участница революции 1905–1907 и Октябрьской революции; в 1918–1920 член ЦК РКП (б); в 1930–1934 — член ЦКК; член ВЦИК, ЦИК СССР.

² Штремер Николай Николаевич — врач Военно-медицинской академии; социал-демократ, член РСДРП, вместе со Стасовой доставлявший в Россию «Искру» и хранивший большевистскую литературу.

дентом Академии медицинских наук СССР Н. Н. Бурденко¹, он поступил на медицинский факультет Юрьевского университета. Ещё будучи студентом, работал по моему приглашению исполняющим обязанности земского санитарного врача Ветлужского уезда Костромской губернии, потом был там организатором санитарного дела, а затем заведовал санитарной земской организацией в Калуге и в Полтаве.

Довольно неожиданным было для меня сообщение председателя губернской Управы Н. Н. Сомова о том, что новгородский губернатор граф фон-Медем потребовал от него немедленного моего удаления со службы в Колмовской больнице. Земская управа возмутилась требованием губернатора. Н. Н. Сомов пытался говорить с губернатором, но получил от него формальный отказ, хотя и доказывал ему, что в Колмовской больнице вместо четырёх врачей, с моим устранением, при отсутствии главного врача, должность которого не замещена, останется только два врача, а приискать врача для работы в психиатрическом деле нелегко. Однако Н. Н. Сомов всё же настойчиво советовал мне побывать лично у губернатора и попытаться убедить его хотя бы временно оставить меня в покое и не прерывать моей столь усердной работы в больнице для душевнобольных.

Для меня ходить ко всякому начальству — это самая противная и мучительная задача, но делать было нечего. В один из приёмных дней, в часы, мне указанные, я был принят губернатором. Граф фон-Медем говорил далеко не безукоризненно по-русски. Я изложил ему свои соображения, по которым его распоряжение не может быть признано целесообразным и логически обоснованным. Ведь я целые дни работаю только среди душевнобольных. Совсем не общаюсь с теми или иными кругами населения. Следовательно, никакой противоправительственной пропаганды вести не могу. Высылка из Петербурга не имела целью лишить меня всяких средств к жизни. Она была вызвана лишь желанием устранить меня от общественно-политической работы и влияния в Вольно-экономическом обществе, на литературно-общественных собраниях и вечерах. Но, работая в Колмове, я в наиболее полной мере устранён от участия в общественно-политической жизни и лишён возможности вести какую-либо пропаганду. Совершенно нелогично, поэтому, для главы губернской администрации устранять меня из Колмова, ибо в самом Новгороде, куда я выслан, я буду иметь гораздо больше условий для проявления неугодного администрации влияния. Я излагал всё это спокойно, совершенно деловито и, мне казалось, убедительно. Однако никакого толка из этого не вышло. В своих репликах этот, как мне показалось, очень туповатый барон, заметил, что он, как представитель власти, не считает для себя возможным допускать к работе в земстве лиц, неугодных правительству. Но всё же более или менее любезно он обещал ещё подумать и дать окончательный ответ губернской земской управе. Думал он не очень долго, и вскоре губернская управа получила от него повторное требование о моём устранении с земской работы.

¹ Бурденко Николай Нилович (1876–1946) — хирург, один из основоположников нейрохирургии в России, академик АН СССР, главный хирург РККА.

Итак, восторжествовал наиболее простой принцип: «не пущать», не допускать. Он не требует никаких размышлений, и поэтому был господствующей формой руководящего участия государственной власти и её представителей на местах — «начальников» губернии — в земском строительстве, в земском обслуживании насущных нужд населения.

Пришлось искать квартиру в Новгороде. Не без труда была найдена в одном из домов на центральной площади небольшая, в две комнаты, квартира с кухней. Требовался ремонт. Незадолго перед новым годом я со своей небольшой семьёй выехал из Колмова. И сейчас, хотя прошло с тех пор уже более шестидесяти лет, я храню в своей памяти самую искреннюю признательность ко всему младшему персоналу моего отделения для слабых, неопытных и буйных больных. Фельдшер, надзиратели и все служители очень трогательно прощались со мною. Говорили и повторяли, что впервые себя настоящими людьми почувствовали, и работа им стала не в тягость. Давали обещания, что все новые порядки будут в отделении бережно поддерживать. Особенно неожиданным было для меня получение по почте коллективного письма «от сознательных больных отделения», в котором они общались, что узнали с большим огорчением о том, что я в больнице больше не работаю, и в простых, наивных словах отмечали, что во мне они находили и чувствовали отклики на их душевные боли и страдания.

Четыре месяца работы в Колмове оставили большой след в моём сознании и обогатили меня не только некоторыми знаниями и опытом в прежде очень мне далёкой отрасли земского медицинского дела — организации психиатрической помощи, но и расширили диапазон доступных моему внутреннему миру и сознанию чувств, мыслей и переживаний. Некоторые из них нашли отражение в статье о профессиональных вредностях труда врачей-психиатров, появившейся в печати уже в советский период.

От работы при переезде, при расстановке вещей в ещё не отремонтированной и нетопленной квартире у Любови Карповны начались, несколько раньше срока, роды. С изумительной душевной выдержкой Любовь Карповна относилась ко всем трудностям жизни. С товарищеской отзывчивостью пришёл по моему приглашению местный врач-акушер. Я ассистировал и заменял ему при родах акушерку. На свет явилась вторая дочь. Своё первое впечатление от неё я выразил в словах к матери, несколько разочарованной, что на свет явился не сын, для которого было уже заранее заготовлено имя, а опять девочка: «Хоть нос, как лопата, зато ума палата», — ответил я экспромтом. У нового жителя вселенной лоб действительно привлекал к себе внимание. И во всю последующую жизнь, независимо от моего сознания, этот явившийся в трудной жизненной обстановке член моей семьи занимал у меня где-то в подсознательной области особое место. Ей были посвящены в минуты особо трагические моей жизни мои письма в 1914 г., в дни катастрофы на фронте в Сольдау, с нею связаны самые острые переживания мои семь лет спустя. Весь январь и февраль начавшегося 1902 г. в низких комнатах первого этажа небольшого каменного дома на Новгородской площади прошли для меня в усидчивой журнальной работе.

Петербургские друзья помогли обеспечить для меня работу в «Больничной газете им. С. П. Боткина», в «Практическом враче», присылали

мне новые книги для составления рецензий в «Мир Божий»¹, «Русскую мысль»². Нужно было спешно готовить обзоры земских и городских санитарных изданий для «Вестника общественной гигиены». Огромную поддержку оказывала мне во всех работах Любовь Карповна, дружеским вниманием и заботами обо мне. Никогда не впадала она в уныние или боязнь за будущее, оставаясь всегда бодрой и деятельной.

Вскоре после родов под вечер неожиданно начался пожар в доме, тесно примыкавшем к нашему. Мы едва успели закутать детей и захватить наспех мои работы и кое-какое платье и ушли к Засечкиным. Только поздно ночью окончился пожар. Наш дом пожарные отстояли, но немало труда понадобилось, чтобы вновь привести нашу квартиру в обитаемое состояние.

Большим событием был приезд к Любове Карповне на целую неделю её близкого друга по Петербургу Варвары Николаевны Болдыревой. По окончании Женского медицинского института она работала на участке в Воронежском земстве. Вышла замуж за товарища по работе доктора Бражаса и теперь буквально была переполнена своим счастьем. Это счастье светилось в ней и отражалось в каждом её слове, в каждом движении. Оно как-то передавалось окружающим, становилось на сердце легче.

В конце февраля я получил совершенно неожиданно письмо от председателя Вологодской губернской земской управы В. А. Кудрявого³. Он спрашивал, как я отнесся бы к предложению занять место заведующего врачебно-санитарным бюро. По ходатайству вологодского губернского съезда врачей Вологодское губернское земское собрание внесло в смету ассигнование на создание такого бюро, и управа запрашивала меня, соглашусь ли я взять на себя работы по его организации. Я написал об этом И. А. Дмитриеву. Спрашивал его совета. От него узнал, что Вологодская губернская земская управа обращалась и в Санкт-Петербургскую, и в Московскую губернские земские управы с просьбой рекомендовать специалиста, и именно Иван Андреевич ответил в Вологду, назвав меня как желательного кандидата. По его сведениям, такую же рекомендацию послал, по поручению Московской земской управы, И. В. Попов.

У меня были внутренние колебания и неуверенность, сумею ли справиться с такой ответственной большой задачей и нежелание так далеко уезжать от Петербурга. Все эти сомнения, однако, уступили место заманчивому желанию развернуть более широкую деятельность, испробовать свои силы. Я ответил Вологодской управе своим согласием взять на себя работы по организации санитарно-статистического бюро. Но окончательное решение считал необходимым отложить до личных переговоров.

¹ Ежемесячный литературно-политический и научно-популярный журнал (СПб., 1892–1906). Позднее издавался под названием «Современный мир»

² Московский ежемесячный научный, литературный и политический журнал, издававшийся в 1880–1918. До 1885 — славянофильской, позднее умеренно-либеральной ориентации, после 1905 — фактически орган кадетской партии.

³ Кудрявый Виктор Андреевич (1860–1919) — председатель Вологодской земской управы, кадет. Депутат 1-й Государственной думы. Помогал политическим ссыльным, после Октябрьской революции назначен губернским комиссаром.